

Светлана Петрова

Мадам, что плохого я вам сделал?

Увидев его, Ирина сразу сказала себе: *это мой мужчина*. Конечно, он не принадлежал ей и вряд ли когда такое случится, но ясно, что провидение создавало их друг для друга. Это было очевидно по первому взгляду, которым они обменялись и который, вроде бы ничего не выражая, установил их общность и безмолвное притяжение.

Она с мужем пришла в семейный дом, где бывала не часто, но регулярно, к его хорошему другу еще с университетских времен. И теперь в небольшой привычной компании два облысевших, сделавших неплохую карьеру искусствоведа потешались над студенческими забавами, над давно перенесенными обоими инфарктами, запивая воспоминания качественной водочкой отечественного производства. А уж закуски, печево и жаренья, заявленные благодаря исключительным кулинарным талантам хозяйки, являлись такими обильными и разнообразными, что выпей они еще столько же, все равно остались бы "ни в одном глазу".

Ирина знала, что у хозяев есть единственный и обожаемый сын, кажется врач, что отношения со второй невесткой не сложились: та крепко оскорбила стариков, и они даже с сыном много лет общались только телефонно, по большим календарным праздникам, никогда не видели его детей, помогая между тем первой невестке и воспитывая внучку. По прошествии лет, когда обида стерлась, сын снова стал изредка навещать родителей, и это был как раз тот случай, когда он пришел поздравить отца с днем рождения.

Невысокий, худощавый и жилистый, мало примечательный - таким показался Андрей, пока не заговорил, не раздвинул в обаятельной улыбке детских губ бантиком, обнажая длинные передние зубы. Возле Ирины дожидался свободный столовый прибор, Андрей сел рядом и внимательно посмотрел на нее большими темными глазами. Мать засуетилась, подкладывая на тарелку опоздавшему уже отведенных всеми другими кушаний, и по выражению какой-то рвущейся через край радости на ее лице Ирина поняла, что эта милая чудесная домашняя женщина давно бы простила не только сына, но и любую, самую стервозную невестку ради возможности видеть и ласкать *тех* внуков. Но ее муж, человек вовсе и не жесткий, в вопросах чести оставался непреклонным, и она ему безропотно подчинялась.

Ирина являла собой противоположность женщине домашней. Она мыла посуду и пылесосила по крайней необходимости, будто шла в бой. Нетерпение, смешанное с отвращением, были не следствием лени, а стремлением к деятельности, более присущей ее природе. Она знала в совершенстве почти все романские языки, хорошо чувствовала слово и особенности авторского стиля. В совокупности со связями мужа в литературных кругах это позволяло ей получать от толстых художественных журналов заказы на переводы, в том числе стихов. Не нуждаясь материально и заслужив имя высокого профессионала, она могла позволить себе быть принципиальной, выбирать то, что созвучно ее вкусам, и не перегружаться, оставляя время для чтения и путешествий, которыми страстно увлекалась.